

Г. В. ПЛЕХАНОВ

Анархизм и социализм

<Фрагменты>

IV

Так называемая анархистская тактика. Ее мораль

Анархисты — утописты. Их точка зрения не имеет ничего общего с современным научным социализмом.

Но бывают утопии и утопии. Великие утописты первой половины нашего столетия были гениальные люди; они двинули вперед социальную науку, стоявшую тогда всецело на утопической точке зрения. Утописты же нашего времени, анархисты, это — *«извлекатели квинтэссенции»* («abstracteurs de quintessence»), которые умеют только с грехом пополам делать скудные выводы из некоторых принципов. Они не имеют ничего общего с социальной наукой, опередившей их в своем движении, по крайней мере, на полстолетие. Их *«глубоким мыслителям»* и *«возвышенным теоретикам»* не удалось даже свести оба конца своего хода доказательств. Они — утописты упадка, пораженные неизлечимым духовным малокровием. Великие утописты много сделали для развития рабочего движения. Утописты же нашего времени только и делают, что задерживают его прогресс. В особенности вредит пролетариату их так называемая тактика.

Мы уже знаем, что Бакунин комментирует статуты Интернационала в том смысле, что рабочий класс должен *отказаться* от всякой *политической* деятельности и сконцентрировать все свои силы в области *«непосредственной экономической»* борьбы за увеличение заработной платы, уменьшение рабочего дня и т. д. Бакунин и сам смутно чувствовал, что подобная тактика мало-революционна. Он пытался дополнить ее деятельностью своего

«Аллианса»¹ и проповедовал *«бунт»**. Но с дальнейшим развитием классового сознания у пролетариата последний все больше склоняется на сторону политического действия и отказывается от бунтов, *столь частых в дни его детства*. Труднее довести до бунта достигших известной высоты политического развития рабочих Западной Европы, чем, например, легковерных и невежественных русских крестьян. Так как *тактика бунтов не оказалась по вкусу пролетариату*, то «товарищам» пришлось заменить ее *«индивидуальным действием»*. Главным образом после неудавшегося восстания в Беневенто в Италии в 1877 г.² бакунисты стали прославлять пропаганду действием; но если мы бросим взгляд на время, отделяющее нас от попытки при Беневенто, то увидим, что эта пропаганда приняла совершенно специальное направление: *очень мало бунтов*, вдобавок очень незначительные бунты, зато много *единичных покушений*, направленных против общественных зданий, против личностей и даже против — *«индивидуальной наследственной»* собственности. Иначе и быть не могло. <...>

Что касается *«жалких призрачных забав»*, то в аргументациях анархистов против политической деятельности пролетариата их бесчисленное множество. *«Быстрота»* здесь превращается в действительное *«колдовство»*. Так, Кропоткин пользуется против социал-демократов их же собственным оружием — *материалистическим пониманием истории*. Он уверяет:

«Каждому новому экономическому фазису жизни соответствует новый политический фазис. Абсолютная монархия, т. е. господство двора, соответствует системе крепостничества, представительное правительство соответствует господству капитала. Но то и другое — системы классового господства. В обществе, где исчезнет разница между капиталистом и рабочим, не будет и надобности в подобном правительстве, оно станет анахронизмом, обузой»**.

Если бы социал-демократы сказали, что они все это знают, по меньшей мере, так же хорошо, как и он, то Кропоткин ответил бы, что это возможно, но, что в таком случае они не хотят выводить правильного *«заключения»* из этих *«предпосылок»*.

* В своих мечтах о бунтах и даже о революциях анархисты с особенной страстью и восторгом предают сожжению имущественные акты и государственные бумаги. В особенности Кропоткин придает чрезвычайную важность этим аутодафе. Хочется сказать — *взбунтовавшийся бюрократ*.

** «The Anarchist Communism», p. 8.

Он, Кропоткин, в совершенстве владеет логикой. Так как политическая конституция каждой страны, — аргументирует Кропоткин, — определяется ее экономической структурой, то политическая деятельность социалистов — абсолютная бессмыслица.

«Желать достичь социализма или хотя бы (!) аграрной революции посредством политической революции — чистейшая утопия, потому что история всюду показывает, что политические изменения являются последствиями великих экономических революций, а не наоборот»*.

Привел ли лучший геометр в мире нечто более неопровержимое, чем подобные доказательства?

Опираясь на это незыблемое основание, Кропоткин советует русским революционерам *отказаться от своей политической борьбы с абсолютизмом*. Они должны преследовать непосредственно экономическую цель.

«Освобождение русских крестьян от ига крепостничества, тяготеющего над ними и до настоящего дня, составляет, таким образом, первую задачу русского революционера. Работая в этой области, он работает прямо и непосредственно на пользу народа... и подготавливает, между прочим, ослабление централизованной власти государства и ее ограничение»**.

Итак, освобождение крестьян будет способствовать ослаблению русского абсолютизма. Но каким образом освободить крестьян, прежде чем свергнуть абсолютизм? Абсолютная тайна! Это освобождение — настоящее чародейство! Старый Лисков был прав, говоря: «Легче и проще писать пальцами, чем головою».

Как бы то ни было, вся политика рабочего класса должна быть выражена в нескольких словах: «*Долой политику! Да здравствует непосредственная экономическая борьба!*». Это бакунизм, — но усовершенствованный бакунизм. Бакунин сам побуждал рабочих бороться за уменьшение рабочего дня и повышение платы. *Теперешние* же анархисты-коммунисты пытаются «разъяснить рабочим, что подобными пустяками они *ничего* не выиграют, что переустроить общество можно только разрушением правящих учреждений»***. Повышение заработной платы бесполезно.

* Предисловие Кропоткина к русскому изданию брошюры Бакунина: «Парижская Коммуна и идея государства». Женева, 1892 г., стр. V.

** Там же, та же страница.

*** J. Grave, «La société mourante et l'anarchie», p. 253.

«Не существуют ли Северная и Южная Америка, доказывающие нам, что повсюду, где рабочему удалось получить высшую плату, соответственно этому повысились и цены на жизненные припасы; так что, если ему удалось заработать 20 фр. в день, то стало необходимым иметь 25 фр., чтобы прожить, как *более обеспеченный рабочий*; и вот он опять на уровне ниже среднего»*.

«Сокращение рабочего времени, по меньшей мере, излишне, так как капитал, посредством усовершенствованных машин, примется за «систематическую интенсификацию труда». Сам Маркс доказывал это совершенно ясно»**.

Благодаря Кропоткину, мы уже знаем, что анархистский идеал имеет двоякое происхождение. Двоякое происхождение имеют также и все «выводы» анархистов. С одной стороны, они взяты из вульгарных учебников политической экономии, сочиненных *вульгарнейшими буржуазными экономистами*. Примером может служить диссертация Грава о заработной плате, которой с восторгом рукоплескал бы сам Бастиа. С другой стороны, товарищи, вспоминая о «коммунистическом» происхождении своего идеала, обращаются к Марксу и цитируют его, *не понимая его*. Уже Бакунин в значительной степени был «софистизирован» марксизмом. У современных же анархистов, начиная с Кропоткина, это еще более заметно***. Все это было бы смешно, если бы не было так грустно, как говорит Лермонтов. Действительно, — грустно. Каждый раз, когда пролетариат делает усилие, чтобы добиться какого-нибудь улучшения своего экономического положения, со всех сторон сбегаются «мужественные люди», начинают уверять его в своей нежной любви и пытаются, опираясь на свои хромающие выводы, отторгнуть его от движения, всеми возможными способами доказывая, что движение бесполезно. Так это было, напри-

* См. там же, стр. 249.

** Там же, стр. 250–251.

*** Невежество Грава, этого «глубокого мыслителя», вообще достопримечательно, но оно превосходит все границы вероятия в области политической экономии. В данном случае оно равняется только невежеству ученого геолога Кропоткина, который высказывает самые чудовищные вещи, как только возьмется разбирать какой-нибудь экономический вопрос. Мы очень сожалеем, что за недостатком места не можем позабавить читателей любопытными образчиками анархистской политической экономии. Читатели должны довольствоваться тем, что им преподавал Кропоткин о Марксе и «прибавочной стоимости».

мер, во время движения в пользу *восьмичасового рабочего дня*; анархисты *боролись против него* с рвением, достойным лучшей участи. Если же пролетариат, несмотря ни на что, идет вперед, если он продолжает преследовать свою *«непосредственно экономическую»* цель, — он, к счастью, так и поступает, — то снова появляются те же самые «мужественные люди», снабженные бомбами, и доставляют правительству желанный и искомый предлог напасть на пролетариат. Мы это видели в Париже 1 мая 1890 года³; мы это часто видим при стачках. Славный народ — эти «мужественные люди»!

Анархист не желает *«парламентаризма»*, потому что парламентаризм лишь «усыпляет» пролетариат. Анархист не желает никаких «реформ», потому что реформы означают компромисс с имущими классами. Он хочет *революцию — простую, цельную, непосредственную и непосредственно экономическую* революцию. Для достижения этой цели он вооружается горшком, начиненным взрывчатким веществом, и бросает его в публику какого-нибудь ресторана или театра. Он утверждает, что это — часть *«революции»*; мы же видим здесь лишь «непосредственно буйное помешательство».

Излишне упоминать о том, что *буржуазные правительства*, как бы строго они ни относились к отдельным лицам, совершающим покушения, могут только *поздравить* себя с их тактикой. «Общество в опасности!» «*Saveant consules!*»⁴ И «консулы»-полицейские действуют, а общественное мнение рукоплещет всем реакционным мерам, которые придумываются министрами ради спасения общества.

<...>...Современные правительства извлекают громадную пользу из тактики «товарищей», и <...> *работа террористов в мундирах была бы гораздо затруднительнее, если бы анархисты не старались с таким рвением облегчать ее им.*

Реакционная и консервативная пресса всегда проявляла едва замаскированную симпатию к анархистам; она глубоко сожалеет, что социалисты, сознательно относящиеся к своей цели, не хотят иметь ничего общего с анархистами. «Они прогнали их, как жалких собак», соболезнует парижский «Figaro» по случаю исключения «товарищей» из конгресса в Цюрихе*.

* Кстати. Анархисты требовали допущения на социалистические конгрессы во имя народной свободы. Приведем, однако, взгляд французского «Вест-

Анархист — человек, обреченный (если он только не сыщик) постоянно и везде достигать противоположного тому, что ему желательно.

«Посылать рабочих в парламент, — заявил Борда перед лионским судом в 1883 г.⁵, — значит поступать, как мать, ведущая свою дочь в дом терпимости».

Итак, анархисты отвергают политическую деятельность и во имя морали. Но куда приводит их эта боязнь парламентской развращенности? К восхвалению воровства («Клади деньги в свой кошель», писал Мост уже в 1880 году в своей «Свободе»), к героическим подвигам Дюваля и Равашоля, совершавшим во имя «дела» самые низкие и отвратительные преступления. Герцен где-то рассказывает, что в одном маленьком итальянском городке он встречал только священников и бандитов; он был очень смущен тем, что никак не мог отличить, кто священник и кто бандит. В том же положении находятся теперь все беспристрастные люди по отношению к анархистам: как угадать, где кончается «товарищ» и начинается бандит? Даже самим анархистам это не всегда удается, что доказывают прения, вызванные в их кругах делом Равашоля. Лучшие из них, честность которых неоспорима, постоянно колеблются в своих суждениях о «пропаганде действием».

Так, например, Элизе Реклю говорит:

«Осудить пропаганду действием? Но ведь эта пропаганда есть не что иное, как проповедь собственным *примером добра и любви к человеку*. Те, которые *насилия* называют «пропагандой действием», доказывают лишь, что они не *поняли* значения этого выражения. Анархист, *понимающий* свою роль, вместо того, чтобы *убить* человека, постарается *внушить ему свои убеждения*, сделать его своим адептом, который, в свою очередь, будет продолжать пропаганду действием, относясь справедливо и с добротой ко всем, с которыми он сталкивается»*.

Мы не спрашиваем, что останется от анархиста, решительно отказывающегося от тактики покушений. <...>

ника анархии» на конгрессы. «Анархисты могут себя поздравить, что некоторые из них присутствовали на конгрессе в Труа. Насколько нелеп, бессмыслен и бесцелен анархистский конгресс, настолько же логично использовать социалистические конгрессы, чтобы там развивать свои идеи». («La Révolte», номера от 6 до 12 января, 1889). Не вправе ли мы — *также во имя свободы* — попросить товарищей оставлять нас в покое?

* Смотри в «L'Étudiant socialiste», Брюссель, № 6, 1894, ответ Элизе Реклю одному господину, запросившему его по поводу анархистических покушений.

Проблему тем труднее разрешить, что есть немало индивидуумов, которые одновременно «бандиты» и анархисты. Равашоль далеко не исключение. <...>

Кропоткин всеми силами старается уверить нас, что анархистская мораль — мораль без обязательств и общественной санкции, мораль, чуждая всякому утилитарному соображению; что она, подобно естественной народной морали, есть «мораль привычки» поступать хорошо*. Мораль анархистов, это — мораль лиц, оценивающих каждое человеческое действие с отвлеченной точки зрения неограниченных прав индивидуума и во имя этих прав оправдывающих жесточайшие насилия, самый отталкивающий произвол. <...> Анархисты ведут борьбу с демократией потому, что, по их мнению, демократия есть только тирания *большинства над меньшинством*. Большинство не имеет никакого права навязывать свою волю меньшинству. Но если так, то во имя какого морального принципа ополчаются анархисты на *буржуазию*? Не потому ли, что *та* — *не меньшинство*? Или потому, что она не делает все, что «хочет»?

«Fais ce que voudras — делай, что хочешь», — провозглашают анархисты. Буржуазии «угодно» эксплуатировать пролетариат, и она это делает очень удачно. Она следует анархистскому рецепту, и товарищи глубоко неправы, когда жалуются на ее поведение. Но они становятся уже совершенно смешными, когда борются против буржуазии во имя ее жертв. <...>

Словом: *во имя революции анархисты служат делу реакции; во имя нравственности они одобряют самые безнравственные действия, во имя индивидуальной свободы они попирают ногами все права своих ближних.*

И как раз поэтому вся анархистская доктрина разбивается о свою же собственную логику. Если первый встречный сумасшедший может убивать людей *только потому, что ему так заблагорассудилось*, то общество, состоящее из бесчисленного множества индивидуумов, не вправе его образумить, *потому что это отнюдь не его каприз, а его обязанность, потому что это conditio sine qua non (необходимое условие) его существования.*

* Смотри его «Anarchist Communism», стр. 34–35, его «L'Anarchie dans l'Évolution socialiste», стр. 24–35 и его «Morale anarchiste» в различных местах.

Заключение. Буржуазия, анархизм и социализм

«Отец анархии», «бессмертный» Прудон, горько смеется над теми людьми, для которых революция сводится к насильственным действиям, обмену ударами и к пролитию крови. Потому что «отца», современные анархисты, понимают революцию исключительно в этом ребячески зверском смысле.

Все, что не насилие, — измена делу, нечистоплотный компромисс с «властью»*.

Буржуазия, с своей стороны, в смущении не знает, что предпринять против анархистов. На почве теорий она по отношению к анархистам совершенно бессильна. Анархисты — ее же собственные дети-баловни. Это ведь она первая пропагандировала теорию «laissez passer»⁶, проповедовала необузданный индивидуализм. Ее самый значительный современный философ *Герберт Спенсер* — только *консервативный анархист*. «Товарищи» — это деятельные и бойкие люди, доводящие до крайности буржуазную логику.

Судьи буржуазной республики присудили Грива к тюремному заключению, а книгу его «La société mourante et l'anarchie» («Умиращее общество и анархия») — к уничтожению. А буржуазные писатели объявили это жалкое произведение глубоким творением и автора — редким умом! Буржуазия не только не владеет никаким теоретическим оружием для победы над анархистами**, она видит свою собственную молодежь, очарованную этой доктриной. В этом пресыщенном, до мозга костей испорченном обществе, где давным-давно умерла всякая вера, где все искренние кажутся смешными; в этом мире, где изнывают от скуки, где, испробовав все наслаждения, не знают больше, какой фантазией, каким распутством доставить себе новые ощущения, — находится много людей, благосклонно внимающих песням

* Правда, такие люди, как *Реклю*, не всегда одобряли подобное понимание революции. Но, повторяю еще раз, — что остается от анархиста, отрицающего «пропаганду действием»? Ничего, кроме *мечтательного, сантиментального буржуа!*

** Чтобы иметь представление о слабости буржуазных теоретиков и буржуазных политиков в их борьбе против анархистов, достаточно прочесть статьи Ломброзо и А. Берара в «Revue des Revues» от 15 февраля 1894 г., или статью Бурдо в «Revue de Paris» от 15 марта 1894 г. Последний ссылается только на «человеческую природу», которая, по его мнению, «не изменится, благодаря брошюрам Кропоткина и бомбам Равашоля».

анархистской сирены. Среди «товарищей» в Париже имеется немало элегантных людей «comme il faut», которые, по выражению французского писателя Рауля Алье, не могут обойтись без лакированных ботинок, и которые, идя на собрание, всегда украшают петличку сюртука цветком. Писатели и художники упадка, «декадентства», начинают исповедовать анархизм и проповедуют его теорию в журналах, вроде «Le Mercure de France», «La Plume» и т. п. Это вполне понятно. Было бы чрезвычайно странно, если бы анархизм — эта насквозь буржуазная доктрина — не нашел приверженцев среди французской буржуазии, самой пресыщенной изо всех буржуазий.

Овладевая анархистской доктриной, упадочные писатели конца века придают ей характер *буржуазного* индивидуализма. Если Кропоткин и Реклю ратуют во имя рабочего, притесняемого капиталистом, «La Plume» и «Le Mercure de France» делают это во имя «*индивидуума*», стремящегося освободиться от всех оков общества, чтобы, наконец, делать все, что ему «угодно». Анархизм, таким образом, снова возвращается к своему исходному пункту. Штирнер говорил: «Для меня нет ничего выше меня». Лоран Тальяд говорит: «Какое дело до гибели неопределенных народных масс, если этим усиливается индивидуум?»

Буржуазия не знает больше, куда склонить голову. «Я, который так боролся за позитивизм, — вздыхает Золя, — чувствую, что после тридцатилетней борьбы мои убеждения колеблются. Религиозная вера препятствовала распространению подобных теорий, но разве она теперь почти не исчезла? Кто нам даст новый идеал?»

Ах, господа, нет идеалов для блуждающих мертвецов, как вы! Вы сделаете всевозможные попытки, вы станете буддистами, друидами, халдейскими «сарсами», каббалистами, магами, изистами* или анархистами — всем, чем придется, — и вы все-таки останетесь тем же, что и теперь, существами без убеждения и закона, *опустошенными историей мешками*. Идеал буржуазии канул в вечность.

Нам же, социал-демократам, нечего опасаться анархистской пропаганды. Анархизм, дитя буржуазии, никогда не будет иметь серьезного влияния на пролетариат. Если среди анархистов и находятся рабочие, искренно жаждущие блага своего класса и готовые для него пожертвовать всем, — то они лишь по недоразумению очутились в этом лагере. Борьба за освобождение

* Последователи культа Изиды⁷.

пролетариата знакома им только в той форме, какую хотят придать ей анархисты. Когда они просветятся, они перейдут к нам.

<...> Деятельный и интеллигентный рабочий поддерживает программу какой-нибудь буржуазной партии. Буржуа говорят о благе трудящегося народа, но при первом представившемся случае изменяют ему. Рабочий, доверявший искренности этих господ, возмущен, он хочет расстаться с ними и принимает решение серьезно изучать «экономические вопросы». Является анархист и, ссылаясь на измену буржуазии и на шашки полицейских, начинает уверять, что политическая борьба не что иное, как буржуазное вранье, и что для освобождения рабочих необходимо отказаться от нее и поставить себе целью разрушение государства. Рабочий, еще только желавший «изучать» эти вещи, приходит к заключению, что «товарищ» прав, и становится, таким образом, убежденным и преданным анархистом. Что случилось бы, если бы он простер немного дальше изучение социальных наук? Что случилось бы, если бы он продолжал его и понял, что «товарищ» — только самоуверенный невежда, говорящий на ветер, что «идеал» анархиста несостоятелен, что кроме буржуазной политики — и как противоположность ее — существует *политика пролетариата*, которая положит конец капиталистическому обществу? Он стал бы социал-демократом.

Поэтому, чем больше распространяются наши идеи в рабочем классе — а они в рядах рабочих распространяются все более и более, — тем все менее склонны пролетарии следовать за такими «товарищами». Анархизм — мы не говорим об «ученых» акробатах — будет все более и более превращаться в *буржуазный спорт*, предназначенный доставлять «*сильные ощущения*» индивидуумам, слишком много вкусившим от светских и полусветских удовольствий.

И когда пролетариат станет господином положения, достаточно ему будет нахмурить брови, чтобы заставить замолчать всех «товарищей», даже самых «красивых». Ему достаточно будет дунуть, — и анархистская пыль исчезнет.

